

DOI: 10.15643/libartrus-2021.3.4

Русский мат как часть национального достояния

© Г. Ф. Ковалев

Воронежский государственный университет
Россия, 394018 г. Воронеж, Университетская площадь, 1.

Email: kovalev@phil.vsu.ru

Статья рассматривает различные аспекты нетривиального бытия так называемого русского мата в бытовом общении: проблемы происхождения и исконной семантики древнейших слов в языке славян; проблема их современного понимания, оценки и роли в общенациональном языке. Автор полагает, что вся древняя, сейчас нецензурная, лексика в далеком прошлом была общеславянской, сакральной и ни в коем случае не ругательной или низкой. Это в равной мере относится и к собственно «матерному» выражению, и к лексике, обозначающей порождающие органы человека. Далее также рассматриваются проблемы функционирования матерщинной лексики в творчестве отечественных мастеров слова и их отношения к использованию такого пласта русского языка в художественных произведениях.

Ключевые слова: мать, мат, матерщина, сакральность, названия гениталий человека, ругательная лексика, табу, эвфемизм.

Русский мат – следствие уничтожения табу

Мат сильно распространен в русском народе. Причем в простом народе, особенно деревенском, он и не почитался за сквернословие. Были теории, что русский человек-де богобоязнен, а матерщина навязана, дескать, тюрками-иноверцами. Поэт И. Шкляревский в своей поэтической были «Пир» осторожно спрашивает читателя:

А бранились теперешним матом
или с кислою вонью Орда
занесла его к нам в города?

Однако анализ аналогичной лексики в современных славянских языках говорит о всеобщем славянском характере мата. Например, словарь сербской бранной фразеологии, подготовленный Неделько Богдановичем, показывает, что не только лексика, но и модели обценных выражений в сербском и русском очень близки, сравните: «У уста те јебем, Јебем те у дупу, Мајку ти јебем» [6, с. 18, 19, 24]. То же можно сказать и о моделях бранной лексики словацкого языка: «јebас коho i bezpred; јebас коho, со» [66, s. 91] или польского: «јebас (кого) „kopulo-wac“» [71, s. 37]. Кстати, о польском мате Е. Липняцкая высказалась так: «В Польше есть специалисты, способные крыть матом не повторяясь в течение получаса, но эта способность связана скорее с профессией, нежели с национальностью, и тут лидируют военные, водопроводчики и врачи. Правда, если поляк хочет выругаться по-настоящему, он использует русский мат» [31, с. 68].

Во многом распространению мата способствовало не только отсутствие должного уровня культуры пользования им, но и официозный на него запрет. Запретный плод сладок, особенно для людей, только входящих в общественную жизнь. Подросток, употребляя бранную лексику, как бы приобщается к кругу «взрослых» людей, которым «по закону» разрешается выразиться

намного свободней, нежели молодым. С другой стороны, мощный потенциал неприличных слов в семантике, свободное их варьирование, прекрасная словообразовательная разработанность позволяют некоторым людям, вообще не выходя из рамок мата, выразить все, что они пожелают. На помощь приходят мимика, жест, интонация, а также характерный ситуативный контекст. Например: «Ну, *chu'li* ты? – Да ни *chujja'*! – А *chu'li* делать-то будем? – Да *chuj* с ним! – Ни *chujja'* себе! Это ж *pizde's* полный! – Ни *chujja'*, прорвемся!» (из разговора двух новых русских о сорвавшейся торговой сделке). Интересен аналогичный случай, произошедший с известным лингвистом А. А. Зализняком и описанный А. К. Жолковским. А. А. Зализняк разворачивался перед гуманитарным корпусом МГУ на своем «Москвиче». В это время на него чуть не наехал самосвал, шофер которого высунулся из кабины и заорал матом. А. А. Зализняк так передал фразу, сказанную шофером: «При дамах я не могу буквально повторить то, что он сказал. Поэтому я переведу его реплику на семантический язык или лучше на куртуазный язык „Тысячи и одной ночи“: „О, неосторожный незнакомец! Пожалуй, следовало бы наказать тебя ударом по лицу...“ <...> При этом, – продолжал Андрей, – все богатство значений, заданных элементами „неосторожный“, „наказать“, „удар“ и „лицо“, было передано с помощью ровно трех полнозначных слов, образованных от одного и того же корня. Задача имеет одно решение, – торжественно закончил он» [17, с. 64]. Как видим, шофер, человек простой, обошелся всего лишь одним единственным корнем великого и могучего русского языка, но сколько экспрессии! И все понятно.

Я занялся историей мата совершенно случайно. В 1981 году, просматривая немецкие книги в самом крупном книжном магазине Варшавы (мне срочно потребовалась «Грамматика» М. В. Ломоносова, изданная факсимильно в Лейпциге), я неожиданно раскрыл брошюрку, изданную в ГДР, но на серболужицком языке. Называлась она на русский слух очень неприлично: «*Objebany skupjenc*». Правда, поскольку я интересовался славянскими языками, мне не стоило большого труда почитать эту детскую книжечку, как оказалось, это были довольно известные сказки, а название по-русски было обыденным: «Обманутый скупец». Меня потрясло, как это древнее слово сохранило древнее, почти первичное значение? Хотя и русский «неприличный» глагол тоже сохранил это значение. Вот я и стал просматривать славянские словари на предмет поиска этого слова. И практически везде его находил, но уже с «неприличным» значением.

Откуда же взялся русский мат? Кто к нам его занес? А никто нам его никогда не приносил. Это наше родное, тщательно скрываемое детище. Практически нет отечественных официальных словарей, в которых бы матерщина соседствовала со словарными статьями высокого стиля. Упоминание о некоторых словах такого типа есть лишь в словаре В. И. Даля, да и то только в Бодуэновой редакции [16, ст. 1244], да еще в таком специальном словаре, как Этимологический словарь славянских языков [61, с. 114]. Упоминание этих двух словарей уже говорит о многом: данная лексика древняя, чисто славянская и глубоко народная. Жизнь неприличных слов напоминает историю человеческого общества: человек рождается голым и несколько этим не смущается, а если позволяет климат, то и всю жизнь ничем себя не прикрывает. В тех же местах, где человеку необходимо от климата защищаться одеждой, было выдуманно, что голый – это весьма и весьма неприлично. А. А. Ахматова, отметив, что греки своих богов изображали нагими, гневно заявила: «Считать наготу непристойной – вот это и есть похабство» [57, с. 107]. Та же ситуация с одеждой была потом повторена в славянских языках и со словами, обозначающими гениталии и процесс порождения нового поколения.

Общеславянский глагол *jebati/jebti мог иметь два значения: 1) бить, ударять и 2) обманывать. Значения эти только на первый взгляд кажутся совершенно разными. На самом же деле связь между ними самая прямая: могу *стукнуть*, могу и *обмануть*. В первом случае будет больно, во втором – обидно. Интересно, что и в русском языке эти же значения вполне сохранились, ср.: jebanut' – 'ударить, стукнуть'; objebat' – 'обмануть'. Эти значения сохранились практически во всех славянских языках, но вполне легитимно, а не зацензурно они существуют (и активно функционируют) в лужицких языках. Не будем брать обычные словари (типа словаря Арношта Муки, который сродни словарю В. И. Даля в Бодуэновой редакции), возьмем «официальный» орфографический словарь верхнелужицкого языка и обнаружим там следующее: jebasnu – 'обманный', jebak – 'обманщик', jebanje/jebanstwo – 'обман, мошенничество', jebac – 'обманывать' [72, s. 145]. Видимо, и настоящая фамилия чешского поэта-символиста Вацлава *Ебавого* (псевдоним – Оттокар Бржезина, 1863–1929) связана с этим же корнем и с этим же значением.

Интересно, что в словаре верхнелужицкого языка, составленном в 1693–1696 гг. Абрахамом Френцелем, корень глагола jeb- обозначен как совершенно невинный, со значением 'обманывать, вводить в заблуждение'. Здесь же дается и семантика, которая впоследствии, возможно, вывела этот корень в «неприличные»: не только 'обманывающий' – *fraudo, fallo*, но и сам 'заблуждающийся' – *egro*, т.е. 'находящий ошибочный приют' [70, s. 44]. Однако выражение этих значений в данной форме восточнославянские языки полностью табуировали вследствие перехода лексики, выражающей эти значения, в разряд инвективной. «Похабное» значение глагол *jebati/jebti мог приобрести уже в общеславянскую эпоху, доказательством чему служит наличие его в целом ряде славянских языков (болгарский, польский, сербский, чешский, все восточнославянские). Значение это в современном русском вербализовалось в значительной степени через посредство телевизионных американизированных переводов в слове *трахать(ся)*.

Именно с этим значением (и, видимо, довольно давно) глагол *jebati/jebti вошел в ставший уже междометием фразеологизм *job tvoju mat'*. Кстати, это любимое выражение нобелевского лауреата И. Бродского: только в одной книге С. Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским» (М., 1998) знаменитый поэт употребил это выражение около десяти раз. Правда, книга была сделана из магнитофонной записи разговора двух мужчин, но вышла на очень широкую публику. Выражение это можно отнести к очень древнему периоду: конец эры матриархата и складывание патриархата. И значение его уже в ту пору было отнюдь не похабным, а скорее имущественным. Дело в том, что по законам остатков матриархата, мужчина, обладающий матерью рода, становился хозяином рода. Поэтому древнее значение выражения *job tvoju mat'* необходимо было понимать как: 'я теперь – ваш отец' или 'я теперь – хозяин всех вас и всего, что вам принадлежит'. Кстати, несколько иную, но близкую трактовку данной ситуации давал и Д. К. Зеленин: «Так называемая матерная русская брань равносильна, собственно, бранным выражениям: *молокосос, щенок* и т.п., подчеркивающим юность и неопытность объекта брани. Ругающийся выставляет здесь себя как бы отцом того, кого он бранит, неприличная формула матерной ругани означает собственно: я твой отец! точнее: я мог быть твоим отцом!» [20, с. 18–19].

Мы не имеем прямых доказательств этому в ранних письменных источниках, но позднейшие исторические факты красноречиво свидетельствуют об этом. Так, великий князь Владимир (святитель Руси) начал править в Киеве после убийства родного брата Ярополка, только

женившись на его невесте – Рогнеде и взяв в наложницы его жену гречанку (грекыню) Анну, уже беременную и затем родившую ему сына убиенного Ярополка – Святополка.

Князь Мстислав (сын Владимира Мономаха), убив касожского (адыгского, абхазского) князя Редедю, в жены взял себе жену убитого, притом, что очень важно, уже имевшую от Редеди двух сыновей. Мстислав назвал пасынков Юрием и Романом, позднее выдал за последнего свою дочь.

Характерен и пример взаимоотношений княгини Ольги с древлянами. Как известно, ее муж, князь Игорь, был убит древлянами из-за непомерной жадности при сборе налога с древлян. Ольга трижды жестоко (одна из первых христианок на Руси!) отомстила древлянам. Однако древляне предпринимали попытки примирения, в частности, засылали сватов к Ольге, чтобы она вышла замуж за их князя Мала: «Реша же Древляне: Се князя оубихомъ, поимем жену его Вольгу за князь свой Малъ» [44, ст. 55].

У других народов тоже было такое, например, брачная уния: литовский князь Ягайло (польск. Jagello) женился на польской королеве Ядвиге, и был провозглашен польским королем; вследствие этого прекратились столкновения между Польшей и Великим княжеством Литовским, а их вооруженные силы объединились.

Поэтому проницательный знаток истории славянской лексики Р. Брандт, сопоставив глагол *jebati/jebti с древнеиндийским jabh (jabhati-te), пришел к верному выводу: «Как переходное значение для чешско-лужицкого слова приходится выставить „ругаться по матерному“, предполагая существование матерщины у праславян и отказываясь от объяснения ее у русских и у сербов заимствованием у татар и у турок» [7, с. 355].

Наиболее популярным в последнее время оказалось предположение, что ранее выражение job tvoju mat' было оскорбительным и вместо предполагаемого «я» агент действия выражался словом «пес» (canis). Об этом говорит Б. А. Успенский, приводя множество примеров, которые все же мало что доказывают [52, с. 109–126]. В. Ю. Михайлин справедливо полагает, что не в псе дело, а просто мат – это мужской обценный код [36, с. 348].

Мы же полагаем, что употребление с псом – это уже вторичное формирование анализируемого выражения. Скорее всего, первичным было выражение с «я». Оно совершенно не было оскорбительным, хотя и обозначало именно совокупление. Однако означало оно не секс, не надругательство как таковое, а определяло лишь власть, точнее, обладание властью в не своем роду.

То же выражение, но с «псом» – явно позднейшее, оно имело уже вполне определенную цель: оскорбить весь чужой род, отсюда выражения «сукины дети», «сукин сын», польск. psia krew. Видимо, первичным термином и, естественно, не оскорбительным был «волчица», а не «сука». Это отражено и в легенде о capitoлийской волчице, взрастившей Ромула и Рема. Кстати, Собакевич у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» – тоже «сукин сын» [24, с. 100]. Если разложить фамилию *Собакевич* по семантическим элементам, то выясняется, что таковыми являются суть: *собака* ('сука') + *евич* ('сын, потомок') = 'сукин сын' [24, с. 100]. Это уже в эпоху патриархата оскорбление таким образом наносилось не столько женщине, сколько мужчине, рогатому главе рода, видимо, поэтому отсутствует широкое употребление выражения «сукина дочь». Сравните весьма показательное замечание М. И. Цветаевой: «Незаконными должны быть только мальчики, вернее – незаконные должны быть только мальчики, „незаконная дочь“ – даже не звучит!» [53, с. 287].

Нельзя не согласиться при такой постановке вопроса с казалось бы парадоксальным мнением того же Р. Брандта, что «матерная брань коренится не в презрении к матерям, а в уважении: при первоначальном, сознательном, ее употреблении, несомненно, имелось в виду, что человек сильнее, чем личную обиду, почувствует обиду, нанесенную его матери» [7, с. 356].

Понятно, что при таком значении глагол *jebati/jebti постепенно стал переходить в разряд ругательных и потому в дальнейшем неуклонно начал табуироваться, особенно в восточнославянских языках.

Что же касается «неприличных» наименований гениталий, то и они не позаимствованы из тюркских языков, а имеют глубокие общеславянские корни. Название мужского органа, как известно, состоит из трех букв. И оно является однокоренным словам «хвост» и «хвоя» из древнего корня *xǫ- с первичным значением 'отросток, побег'. Полагаю, что аналогичен ему и общеславянский корень *sǫ- со значением 'род' (*gen-*), от которого пошли слова *свой*, *свобода* и *словъне*. Так же трактует и Е. Подвальная: «Известное же для русского языка слово *хуй*, *хуя* этимологически трактуется как родственное лит. *skuja* 'хвоя'; примечательным является рефлекс этого слова в албанском *hu* 'кол, membrum virile'; здесь мы видим то же семантическое развитие, что и в исп. *сагајо*, возводимом к гр. *χαράκιον*, деминутиву от *χαράξ* 'кол'. Данное русское слово относится, таким образом, к группе слов, объединенных вокруг индоевропейского *skou- 'быть острым' и согласуется с распространенной семантической моделью» [43, с. 78]. Первая фиксация этого слова в русском языке принадлежит... немцам, которые просто не могли не включить его в свой разговорник, причем снабдили его праславянским синонимом: «*Чуу*. Aber. *Kur*. Meuster manck den schenkeln» [65, р. 33]. А. Фаловски, исследовавший и опубликовавший самые старые немецко-русские разговорники, отметил, что слово *чуј* «несколько позднее зафиксировано у Т. Fenne (Tonnies Fenne, Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. (Vol. III. Russian-Low German Glossary. Copenhagen, 1985, р. 339): *зуи гуи – mahns gemechte*» [66, с. 87]. О лексеме же *кур* автор вполне справедливо пишет: «Относится, несомненно, к праславянской эпохе как 'gallus, петух'. Значение 'penis' следует признать вторичным по отношению к 'gallus'» [66, с. 87]. Далее А. Фаловски, опираясь на данные болгарского и других южнославянских языков, делает вывод, что «...уже праславяне использовали лексему *kur* в сексуальном значении» [66, с. 87].

Название же женского полового органа происходит от общеславянского глагола *pi?sati. После падения редуцированных глухой *s* перед звонким *d* получил озвончение (*z*), модель слова такая же, как и в слове *узда*. Самая старая фиксация отмечена тем же А. Фаловским в том же немецко-русском разговорнике и тоже с синонимом: «*pisda*. Aber. *Manda* meisterine manck den benen» [65, р. 33].

Е. Подвальная приводит несколько иную трактовку этой лексемы. Приводя полабское *reizda* – 'седалище', то же в древнепрусском *reisda*, она полагает: «...славянское слово обычно трактуется как имеющее индоевропейское происхождение, причем и семантически совершенно отличное от тюрко-монгольского: оно объясняется либо как приставочное образование от *sed- [*ri-spd-a], либо как композит от *pes- 'membrumvirile' [*pe(i)s-(s)th~]» [43, с. 78]. Однако по болгарским данным из сферы диалектной лексики и народной ономастики, наша трактовка более верная: этим именем в болгарской гидронимии часто называется любая расщелина в скале, из которой течет вода, сравните такие гидронимические названия, как *Пизда*, *Пиздина Вода*, *Пиздица*, *Пиздишка рьяка* [1, с. 338; 3, с. 36–37].

Более обширный список вариантов с этим словом в болгарской микрогидронимике дает Й. Заимов: *Пиздина падина, Пиздинкџовец, Пиздиница, Пиздица, Българска Пиздица, Пиздишки кладенџи, Пиздишка чешма, Пиздичь бунарџ, Пиздичка бара, Пиздишки дол, Пиздишки кайрак, Пиздра, Пиздрица, Пиздулки* [18, с. 503–504].

Последние находки новгородских берестяных грамот позволяют с уверенностью сказать: слово *пизда* в XII в. на Руси тоже не было похабным. Сравните текст грамоты:

«Маренко
пей пизда
и шкыле»

и сколь благонаравно и благопристойно звучит перевод грамоты №955, сделанный крупнейшим знатоком берестяных грамот А. А. Зализняком: «Маренка! Пусть же напьется (набухнет) рождающее лоно!» [19, с. 8].

Относительно лексемы *manda* польский исследователь категорично заметил: «*Манда* является безо всяких сомнений заимствованием из польск. *meda, menda*, 'зоол. *phithirius pubis a. pediculus pubis, owad polpokrywy wszowaty*' (Słownik języka polskiego. Warszawa, 1902, t. II, s. 933). Этимологически связано прасл. *mado 'testiculus; jadro'* (Brukner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 1927, s. 607)» [66, с. 88]. Однако в русском языке, кроме этого слова, есть еще слово, обозначающее вообще половой орган (чаще мужской) – *mude*. Сравните приводимое М. М. Пришвиным народное название травы: «Кувшинки еще не цветут, торчат острые резак (мудорез)...» [45, с. 76]. Правда, это слово (*mude, muda*) первично обозначало мошонку (мужские яички), отсюда бранное слово *mudak*, прежде обозначавшее мужчину со слишком большой мошонкой, которая мешала ему в хозяйственных работах. Кстати, фамилия *Мудаковы* была распространена у донских казаков (см. [28]).

Кстати, еще одна «матерная», очень популярная в разговорном дискурсе формула, использующая исконно славянские названия гениталий («*пошел на х...*» и «*пошла в п...*») не являлись в древнюю эпоху ругательством. Эти выражения лишь подчеркивали, что люди, к которым было обращено такое выражение, совсем ничего не умеют делать (в конкретных случаях), они должны вернуться туда, откуда появились (тогда еще не могли сказать: Да пошел ты в зад!). Поэтому данное выражение более всего синонимично слову *мудак*.

И, наконец, о том слове, точнее междометии, которое сейчас повсеместно заменяется эвфемизмом «блин». О нем и его происхождении хорошо сказал В. В. Колесов: «Кстати, и известное слово, именуемое распутницу, по происхождению – высокий славянизм, и до XV в. оно имело значение 'лжец, обманщик' (что связано с общим значением корня, того же, что и в слове *зablуждение*)» [25, с. 77]. И действительно, в русском языке сохранилось слово «блудить», первое значение которого было – 'зablуждаться, стоять на распутье и не знать истинной дороги'. Второе же значение его уже телесное – буквально 'распутничать'. Польский язык тоже сохранил первичное значение этого корня: *blad* – 'ошибка, заблуждение', *blakas* – блуждать, бродить без цели', отсюда сравните русск. «блукать», *bledny* – 'ошибочный, неверный' и *blednik* – 'лабиринт, ошибочный или непонятный путь'. Далее В. В. Колесов говорит о проблеме фиксации этого слова в словарях: «В прямом значении оно употреблялось долго, но во времена бироновщины исчезло из книг как слово непристойное. Академические словари его не включают, но „Словарь русского языка XVIII века“ дает его со всеми производными, оговаривая, что после 30-х годов оно стало непечатным» [25, с. 78]. Однако в народе это слово живет полноценной жизнью. Используется оно в двух значениях: 1) распутная женщина, 2) просто

междометие, лишённое какого-либо смысла, но повторяемое через слово. Поэтому вполне закономерно прозвучала победная реляция капитана В. Макова о действительно первом водружении красного полотнища над ещё не совсем поверженным рейхстагом: «Куда водружать? На фронте увидели конную женскую статую. В её корону знамя и установили. „Воткнули в голову какой-то немецкой б...“ – лаконично доложил по радиации капитан» [41, с. 6].

Конечно, мат, безусловно, должен быть исключён из обычной речи в нашем обществе. Сфера чисто мужского применения этого эмоционального языкового средства – вопрос лишь характера отношений между говорящими.

Показательно в этом смысле, что такие характерные для политической элиты Великобритании слова, обозначающие сторонников непримиримых партий – виги и тори, когда-то были непристойными ругательными словами: *whig* – шотландское ‘вор скота’, впоследствии – либералы, а *tory* – ирландское ‘тупицы’, впоследствии – консерваторы. Как пишут Ю. Шигарева и И. Изгаршев: «В Великобритании единственный прецедент, связанный с протестом против ненормативной лексики в литературе, случился в начале... XIX века. После выхода скандального романа Д. Лоуренса „Любовник леди Чаттерлей“ на писателя пытались подать в суд, обвинив его в злоупотреблении „грязными словами“. Дело, однако, было проиграно, свобода слова торжествовала».

В Германии и Испании отсутствуют какие бы то ни было законодательные акты, ограничивающие употребление ненормативной лексики в художественном произведении» [60, с. 19].

Итак, мы пришли к выводу, что вся «нехорошая» лексика – исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков, поэтому негоже лингвистам отворачиваться от неё. Писателям же можно ею пользоваться только тогда, когда без неё теряется содержательность и образность произведения.

Русские писатели и русский мат

Насколько распространён мат в России, и говорить не приходится. Вот побывальщина, рассказанная Всеволодом Ивановым: «Жил-был разбойник. Много он нагребил золота, серебра, драгоценных камней. Чует, смерть близка... А отдавать сокровища близким – жалко, все дураки. Он их решил закопать, клад устроить. „Ну, чего тебе закапывать? – говорят ему. – Разве от русского человека можно что-нибудь скрыть. Он все равно найдет“. – „Я положу зарок“. – „Какой же ты положишь зарок?“ – „Я такой зарок положу, что пока существует русская земля, того клада не выроют“. Закопал он клад в твердую, каменистую почву и заклил зарок – тому получить клад, кто выроет его без единой матерщины!.. И прошло тысяча лет и тысяча людей рыли тот клад, и не нашлось ни одного, кто бы не выматерился. Так он и лежит по сие время» [21, с. 334].

Довольно оригинально высказался по поводу мата А. П. Платонов:

«В церковь входят
снимают шапки,
но ругаются матом,
перекрестившись и вздохнув» [42, с. 25].

Острый взгляд писателя не прошёл мимо уникальной образности мата:

«Разговор в бане:

„Человек, как хуй – он сбрасывает нечистоты и производит будущее.

Хуй – самое яркое выражение жизни“» [42, с. 102]. Или: «Осел – остаток великана: [хуй от великана, уши тоже, ножки нет и т.п.]» [42, с. 132].

После всего этого легко разгадывается придуманное А. Платоновым «китайское» имя в «Антисексусе» – генерал *По Лу Гуй* (явно – *poluchuj*) в отличие от непридуманного имени супруги Сунь Ятсена – «Сун Цзилин» (Сун Циньлин).

Один русский поэт-эмигрант, говоря о том, что все в жизни можно бросить, оставляет себе среди немногого родной язык:

Оставлю Вам, долги простив, –
Вам эти пастбища и пажити,
А мне просторы и пути.
Да Ваш язык. Не знаю лучшего
Для сквернословий и молитв.
Он, изумительный, – от Тютчева
До Маяковского велик. [39, с. 634].

В. В. Розанов описал восприятие поэтом К. М. Фофановым названия мыла: «Попили чайку. Отслушали его анекдоты. Мелькали его талантливые словечки. Но больше всего занимало его название какого-то нового мыла, которое, если произносить с неправильным ударением, то получалось неприличие. Жена его удерживала, но он снова и снова пытался произнести знаменитое название. Оно его внутренне забавляло, и ему казалось, что оно и всех должно забавлять, т.е., следовательно, доставить всем удовольствие» [47, с. 550–551].

З. А. Шаховская вспоминала о том, как ее в Париже встретил И. А. Бунин: «Мы сели в такси, и по дороге Иван Алексеевич, с обычной своей остротой, принялся рассказывать все, что произошло в русском литературном Париже, выражаясь крепко и по-русски, о своих и моих собратьях. Жаль, не было тогда еще кассет, чтобы сохранить неповторимую (и нецензурную) речь академика. А когда мы выходили из такси, то, обернувшись к нам с веселым лицом, шофер сказал: „Приятно было покатать гордость нашей эмиграции. Я прямо заслушался – ох, и хорошо же Вы знаете русский язык!“ – и отказался взять на чай» [59, с. 204].

И. А. Бунин, когда ему было присвоено звание почетного академика, «в благодарность решил поднести Академии – „словарь матерных слов“ – и очень хвастал этим словарем в присутствии своей жены...» [57, с. 463]. Для создания этого словаря «вывез он из деревни мальчишку, чтобы помогал ему собирать матерные слова и непристойные песни» [57, с. 464].

Об определенном интересе к такого рода лексике говорит и замечание, лукаво сделанное А. П. Чеховым в письме А. С. Суворину: «На Сахалине есть деревня, которая называется так: Хуй-э» [55, с. 43].

Захмелевший С. А. Есенин, по воспоминаниям Ю. П. Анненкова, бил выпитые бутылки и читал стихи:

«Я памятник себе воздвиг из пробок,
Из пробок вылаканых вин!..
Нет, не памятник: пирамиду!
И, повернувшись ко мне:

– Ты уверен, что у твоего Горация говорилось о пирамидах? Ведь при Горации, пирамид, по-моему, еще не было?

Дальше начинался матерный период. Virtuозной скороговоркой Есенин выругивал без запинок „Малый матерный загиб“ Петра Великого (37 слов), с его диковинным „ежом косматым, против шерсти волосатым“, и „Большой загиб“, состоящий из двухсот шестидесяти слов. Малый загиб я, кажется, могу еще восстановить. Большой загиб, кроме Есенина, знал

только мой друг, „советский граф“, и специалист по Петру Великому, Алексей Толстой...» [2, с. 167–168].

У нас употребление обценной лексики всегда являлось привилегией низших классов, хотя в советское время мы и шли по пути бесклассового общества. Однако анализ аналогичной лексики в современных славянских языках говорит о всеобщем славянском характере мата.

Пример полифункциональности матерщинной лексики показал и М. М. Пришвин, правда, через признанный народом русским тюркский заменитель: «Елдан. Вы, люди далекие от деревенского народа, не представляете, как опустошает душу простолюдина частая смена правительства. Вот иду я в деревню со списком новых министров.

– Новые министры!

– Опять? Не читайте, не надо! Елдан с ними!

– Они вся наша надежда!

– Елдан там надежды: придет ерманец и больше ничего.

– Как ничего?

– Так ничего, придет, и елдан с ними, пускай приходит, один конец. Ни елды!

И там и тут слышится одно слово:

– Елдан!

Нужно все-таки вам сказать, что такое значит слово „елдан“: это значит так: если вы, например, возьметесь писать повесть и бьетесь над ней день и ночь, неделю, две, отложили на месяц, опять ничего не выходит, через год опять ничего и, наконец, поняв окончательно, что из повести ничего не выйдет, разорвал черновик, швырнул в корзинку и сказал: „Черт с ней, с этой повестью, елдан с ней!“

– А как же государство?

– Елдан с государством.

– Россия?

– Елдан с ней!

И со всем на свете елдан, а бы вот успеть до посева озими додвоить пар да перевезти бы на гумно хлеб» [45, с. 340].

Конечно, М. Пришвин, будучи человеком интеллигентным, слегка лукавил, не открывая истинного значения слова «елдан/елда». Однако оно в разных вариантах дано в словаре В. М. Мокиенко: «Елда', ж. *Прост. эвфем.* Мужской половой орган (особенно – большого размера). См. Елдак» [38, с. 27]. Слово это явно заимствовано из тюркских языков. Видимо, и А. П. Чехов пошутил, лишь закамouflировав неприличное слово в фамилии городского *Елдырина* в рассказе «Хамелеон»: «Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит...».

А. И. Солженицын пошел в эвфемизации другим путем, который К. С. Мелихан охарактеризовал так: «Считается, что Солженицын первым протащил в русскую литературу мат: заменил букву „х“ на „ф“. С тех пор в писательских кругах его называют фудожником слова» [34, с. 442].

А вот И. А. Бунин этого слова нисколько не стеснялся, правда, прекрасно осознавал, где, как и с кем его можно употреблять. Так, брату Юлию относительно своего потенциального отцовства он с раздражением писал: «А Н (Цакни. – *Г. К.*), кажется, беременна, и я убит этим. Это идиотизм, что я похож на отца. Послать бы все это к х...!» [10, с. 268].

Охотно самое стандартное матерное выражение употреблял И. А. Бунин в обыденной речи (среди мужчин) и в письмах. Так, брату Юлию, он пишет с горечью, что скоро станет отцом:

«Да, так в Петербурге, там пробуду дней 15 и отправлю А Н (свою жену А. Н. Цакни. – Г. К.) домой, а затем к тебе – в Москву, потом в Калугу, к Евгению и опять в эту, е... ее мать, Одессу» [10, с. 268].

Относительно лексемы *manda* можно сказать, что она заимствована из польского языка. И. А. Бунин спокойно использует это слово, правда, в письмах: «...я нашел письмо от Давыдовой. Эта гнусная м... пишет мне...» [10, с. 264]. Поэт С. В. Смирнов написал злую эпиграмму-портрет на А. Безыменского, использовав это неприличное слово:

Волосы дыбом. Зубы торчком.

Старый мудака с комсомольским значком.

А писатель Е. Г. Водолазкин в своем романе «Оправдание Острова» возлюбил еще одно слово с таким же корнем (*мудозвон*): «Слышите, мудозвоны: если история не героическая, то это не история. Запишите!»

Конечно, мат, безусловно, должен быть исключен из обычной речи в нашем обществе. Сфера чисто мужского применения этого эмоционального языкового средства – вопрос лишь характера отношений между говорящими. В отношении мата вполне применимы слова Арсения Тарковского, сказанные, правда, по совсем иному поводу: «Впрочем, дурных самих по себе слов в толковом словаре нет. Я уже как-то имел случай рассказать, что моя мать полагала, будто мусора не существует, а есть вещи не на своем месте. Пух на полу – мусор, а в подушке – свойственное ей наполнение» [50, с. 223].

Весьма оригинально, идя от реальной жизни, освятил русский мат известнейший профессор-литературовед П. А. Николаев, ветеран Второй мировой: «Вот утверждают, дескать, на войне ребята бросались в атаку, выкрикивали: „За Родину! За Сталина!“ Но во время бега невозможно произнести этой фразы – дыхания не хватит. Бежит мальчик семнадцатилетний и знает, что погибнет. После каждой такой атаки во взводе погибала половина. И они выкрикивали мат. Они спасались этим, чтобы не сойти с ума. Есть мат, который священен. Когда идут по улице молодые разгильдяи с бутылками пива и девчонки рядом ругаются, у меня это вызывает рвотные чувства, потому что я воспринимаю как оскорбление по отношению к мату, с которым погибали дети России...» (Литературная газета. 2004. №37. С. 11).

Что же касается до употребления матерщины в художественной литературе, то это проблема художественного вкуса писателя, его чувства меры. Как бы в подтверждение наших слов писатель Юз Алешковский, известный употреблением ненормативной лексики в своих произведениях, так охарактеризовал свое отношение к матерщине: «Я думаю, что так называемые матерные слова поначалу-то были словами не ругательными, а сакральными, священными. Поскольку органы наши, гениталии мужчин и женщин, – они же воспроизводят бытие будущих поколений. И пра-пра-прачеловек не мог не испытывать восторга и ужаса перед воспроизводительной родовой деятельностью своей. По важности выполняемых функций половые органы – это *number one*. Я даже считаю, что их деятельность важнее деятельности мозга.

И это остается загадкой, – почему слова сакральные, священные, имевшие несомненное отношение к фаллическому культу и культу Матери-земли, стали словами запрещенными, презираемыми и тем не менее употребляемыми» [58, с. 19].

Юз Алешковский, видимо, прав. Действительно, лексика, означающая гениталии, в эпоху язычества была сакральной. Знаменитый славянский бог Святовит (Збручский идол) был выполнен в виде огромного фаллообразного монумента. С переходом же к христианству святыни язычества были уничтожены, знаковые системы резко поменялись, и фаллоозначающая лексика оказалась табуированной, неприличной.

Об этом же с сарказмом написал В. В. Розанов: «...у христиан все „неприличное“, – и по мере того как „неприличие“ *увеличивается* – уходит „в грех“, в „дурное“, в „скверну“, „гадкое“: так что уже *само собою* и без комментариев, указаний и доказательств, *без теории*, сфера половой жизни и половых органов – этот отдел мировой застенчивости, мировой скрываемости, – *пала в преисподнюю* „исчадия сатанизма“, „дьявольщины“, в основе же – „ужасной, невыносимой мерзости“, „мировой вони“...» [47, с. 92].

Другой писатель, А. Королев, определяет мат несколько по-иному, хотя и не особенно расходясь во мнении с Ю. Алешковским: «Мат есть публичное оскорбление сакральных запретов» [27, с. 12].

Прозаик В. Сорокин по поводу мата высказался следующим образом: «Язык нельзя винить. Он, как вода, течет туда, где есть свободное место. <...> И писатель, который хочет идти в ногу со временем, а не создавать анахронизмы, как это делает большинство тех, кто окопался в толстых журналах, должен учитывать движение этой воды. Ведь мат стал частью нашей речи.

Что плохого в этих словах? Я много думал о том, что культура, христианская культура, разделила человека на верх и низ. И далее маститый автор говорит, что табуирование мата, названий гениталий является лишь проявлением искусственной, ничем не оправданной, стыдливости» (Аргументы и факты. 2001. №49. С. 23). И далее – он же: «Мат в моих текстах играет весьма разнообразные роли: от детонатора, взрывающего массу мертвого литературного языка, до простой части речи и, наконец, до божественной перламутровой спермы, изливающейся в плодотворный литературный чернозем. Литератор, обходящийся без мата, равносителен пианисту, отрезавшему себе один из пальцев. Можно, безусловно, и так играть, но я предпочитаю десятью пальцами» (Моск. Комсомолец. 2001. №22. С. 22).

По поводу матообильности трудов В. Сорокина появилась даже шутка в «Литературной газете»: «Писатель Сорокин решил мат в своих произведениях не употребе» (2016. №10–11. С. 24).

Некоторые современные писатели говорили о том, что если мат будет обычным в литературе, то он постепенно исчезнет. Еще раньше об этом же писал Вс. Иванов: «Наш народ – бунтарь. Вот упрекают нас в том, что мы любим ругаться матерно. Да, и действительно ругаются много. И неслыханно много ругались на фронте. А почему? Бунтует, отрекается, ничего святого – даже „заголил на березке подол“, не признает запрещенного. А начни завтра выпускать, предположим, газету, – все газеты, где матерщина была б через каждую фразу, поморщились бы дня три – и перестали б ругаться» [21, с. 470].

Выдающийся чешский писатель Я. Гашек еще в начале XX в. говорил о специфике отражения жесткой и зачастую неприглядной действительности в литературе: «Заканчивая первую часть „Похождений бравого солдата Швейка“ („В тылу“), сообщаю читателям, что вскоре появятся две следующие части – „На фронте“ и „В плену“. В этих частях и солдаты, и штатские тоже будут говорить и поступать так, как они говорят и поступают в действительности. Жизнь – не школа для обучения светским манерам. Каждый говорит, как умеет. Церемониймейстер доктор Гут говорит иначе, чем хозяин трактира „У чаши“ Паливец. А наш роман не пособие о том, как держать себя в свете, и не научная книга о том, какие выражения допустимы в благородном обществе. Это – историческая картина определенной эпохи. Если необходимо употребить сильное выражение, которое действительно было произнесено, я без всякого колебания привожу его здесь. Смягчать выражения или применять многоточие я считаю глупейшим лицемерием. Ведь эти слова употребляют и в парламенте» [14, с. 204]. И продолжил: «Правильно было когда-то сказано, что хорошо воспитанный человек может читать все.

Осуждать то, что естественно, могут лишь люди духовно бесстыдные, изощренные похабники, которые, придерживаясь гнусной лжеморали, не смотрят на содержание, а с гневом набрасываются на отдельные слова» [14, с. 204].

Тот же Юз Алешковский так определил свое отношение к мату в литературе: «Все-таки я реалист, и если персонажи изъясняются именно так, иначе их речь себе представить трудно. Особенно если это урка, или хулиган, или руководитель, который только матом и может поднять в народе трудовой энтузиазм, то попытки изменить их речь я бы считал плевком своей музе. Никогда в жизни я себе этого не позволял» [58, с. 19]. Как бы вторя ему, об использовании нецензурной лексики высказался В. Попов: «Когда это весело и лихо, то дай Бог. Легкая матерщинка дает тексту лихость. А когда это тянут уныло и по обязанности, то – нет. „Фекализм“ мне не близок. Хотя я враг всякой цензуры, но есть слова, которые не смотрятся на бумаге. Они на заборе смотрятся. Особенно без нужды. Но когда изображаешь ханыгу, он должен говорить так, как он говорит, – изображение через мат» (Вопросы литературы. 2001. №6. С. 215).

Приблизительно о том же высказался и известный актер и автор нескольких книг В. И. Гафт, когда его спросили о цензуре в отношении бранной лексики в кино и на сцене: «Глупость. Мат в книге – гадость. Когда люди на пустом месте для связки слов, без всякого смысла „блям“ да „блям“, – это отвратительно. Но если крепкое слово употребляет достойный человек, которому есть что сказать... Можно ли запретить объективное существование великой части русского языка, способной перекрыть то, что было сказано красивыми словами?! Когда на сердце перекипело, когда бьет бешеная энергия, есть одно спасение, чтобы тебя поняли: „...твою мать!“» [35, с. 30].

А другой известный артист Олег Анофриев пояснил свое пользование матом: «Почему я матом ругаюсь? Это многих удивляет. Я не люблю свой кухонный язык, но как без него жить? Мат – это часть воздуха моего детства, воздуха, который остался во мне навсегда» (Российская газ. Неделя. 2016. №202. С. 35).

А. С. Пушкин, например, очень сожалел по поводу цензорских купюр в «Борисе Годунове»: «Все это прекрасно; одного жаль – в „Борисе“ моем выпущены народные сцены, да матерщина французская и отечественная;...» (Письмо П. А. Вяземскому. 2 января 1831 г.). А. С. Пушкин умело и со вкусом использовал русский мат в своих произведениях, например в «Телеге жизни». Вообще свою стратегию в отношении «неприличной» лексики он лапидарно выразил в следующих словах: «Если уж ты пришел в кабак, то не прогневайся – какова компания, таков и разговор... А если ты будешь молчать с человеком, который с тобой разговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина» («Писатели, известные у нас под именем аристократов»). Часто ему приходилось и обращаться к эвфемизмам, смягчающим силу мата. Так, негодуя по поводу бездарного перевода М. Е. Лобановым «Федры» Расина, он писал: «И об этом у нас шумят, и это называют наши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина! Voulez-vous decouvrir la trace de ses pas – надеешься найти

Тезея жаркий след иль темные пути –
мать его в рифму! вот как все переведено» (Письмо Л. С. Пушкину. февраль 1824 г.).

От него недалеко отстал в отношении «матери» В. В. Маяковский:

«Эй, ты!

Мать твою разнэп!»

(«Про это». 1923 г.).

Друг Пушкина князь П. А. Вяземский не очень-то подбирал слова, когда дело касалось полемики (правда, это так и не было опубликовано при жизни): «После этих стихов не понимаю, почему Пушкину не воспевать Орлова за победы его Старорусские, Нессельроде за подписание мира. Когда решишься быть поэтом событий, а не соображений, то нечего робеть и жеманиться, как непроебренная блядь» (Цит. по: Ивинский Д. П. О Пушкине. М., 2005. С. 18).

А Н. В. Гоголь говорил о пользе для его творчества похабных песен. Так, в письме М. А. Максимиовичу (9 ноября 1833 г.) он писал: «Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные; они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы! прошедшую жизнь и, увы! прошедших людей...»

Не чурался «крепких» слов и Н. А. Некрасов. А. Ф. Кони вспоминал: «За обедом, где из женщин присутствовала она одна (Фекла Анисимовна – жена Некрасова. – **Г. К.**), Некрасов, передававший какое-нибудь охотничье приключение или эпизод из деревенской жизни, прерывал свой рассказ и говорил ей ласково: «Зина, выйди, пожалуйста, я должен скверное слово сказать», – и она, мягко улыбнувшись, уходила на несколько минут» [26, с. 203].

Отвергая мнение А. Б. Гольденвейзера, что Л. Н. Толстой никогда не употреблял матерщины, И. А. Бунин писал: «...употреблял и даже очень свободно – так же, как все его сыновья и даже дочери, так же вообще, как все деревенские люди, употребляющие их чаще всего по привычке, не придавая им никакого значения и веса» [8, с. 92]. Это подтверждается и воспоминаниями А. М. Горького, присутствовавшего при разговоре Л. Н. Толстого и А. П. Чехова на прогулке в Ялте: «Сегодня в миндальной роще он спросил Чехова:

– Вы сильно распутничали в юности?

А. П. смятенно ухмыльнулся и, подергивая бородку, сказал что-то невнятное, а Л. Н., глядя в море, признался:

– Я был неутомимый...

Он произнес это сокрушенно, употребив в конце фразы соленое мужицкое слово. Тут я впервые заметил, что он произнес это слово так просто, как будто не знает достойного, чтобы заменить его. И все подобные слова, исходя из его мохнатых уст, звучат просто, обыкновенно, теряя где-то свою солдатскую грубость и грязь» [15, с. 182]. Пролетарский писатель тут же вспомнил о характерной речи Л. Н. Толстого при первой встрече с ним: «С обычной точки зрения речь его была цепью „неприличных“ слов. Я был смущен этим и даже обижен: мне показалось, что он не считает меня способным понять другой язык. Теперь понимаю, что обижаться было глупо» [15, с. 182].

Русский мат спас жизнь И. А. Бунину в «окаянные» революционные годы. Вот как он это описывал: «А в полдень в тот же день запылал скотный двор соседа, и опять сбежались со всего села, и хотели бросить меня в огонь, крича, что это я поджег, и меня спасло только бешенство, с которым я матерными словами кинулся на орущую толпу» [9, с. 83]. Видимо, не зря писал его друг Н. Д. Телешов: «Милый Иван Алексеевич. С удовольствием тебе сообщаю, что один неведомый тебе читатель, ознакомившись с твоей повестью „Деревня“, где напечатаны непечатные выражения, воскликнул: „Господин Бунин – известный ма'то-граф“! Поздравляю тебя с графским достоинством и крепко целую!» (Литературное наследство. М., 1973. Т. 84, кн. 1. С. 596).

Об отношении И. А. Бунина к мату говорят его воспоминания о Куприне: «Ругался он виртуозно. Как-то пришел он ко мне. Ну, конечно, закусил, выпили. Вы же знаете, какая Вера Николаевна гостеприимная. Он за третьей рюмкой спрашивает: „Дамы-то у тебя приучены?“

К ругательству, подразумевается. Отвечаю: „Приучены. Валяй!“ Ну и пошел и пошел он валять. Соловьем заливаюсь. Гениально ругался. Бесподобно. Талант и тут проявлялся. Самородок. Я ему даже позавидовал» [9, с. 289]. И, действительно, А. И. Куприн не стеснялся, когда это было необходимо, непарламентских выражений. Так, возмущившись двойственностью в поведении и творчестве В. В. Розанова, он посвятил ему такой экспромт:

Вот монумент, в котором с дивной силой
Запечатлен святоша и холуй.
В одной руке наемное кадило,
В другой же – хуй.

(РГАЛИ. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 19. Цит. по: Фоминых Т. Н. Розанов в прижизненной художественной литературе // Наследие В. В. Розанова и современность. М., 2009. С. 229).

О «вольности» И. А. Бунина в выражениях вспоминала Н. Н. Берберова. После скабрезного рассказа Бунина она писала: «Рассказывание подобных историй кончилось довольно скоро: после двух-трех раз, когда он произнес вслух и как-то особенно вкусно „непечатные“ (впрочем, давно на всех языках, кроме русского, печатные) слова – он любил главным образом так называемые детские слова на г, на ж, на с и так далее... он совершенно перестал „рисоваться“ передо мной...» [4, с. 293]. Употреблял Бунин непечатные слова и не только для рисовки: «Однажды Г. В. Иванов и я, будучи в гостях у Бунина, вынули с полки томик стихов о Прекрасной Даме, он был весь испещрен нецензурными ругательствами, такими словами, которые когда-то назывались „заборными“. Это был комментарий Бунина к первому тому Блока» [4, с. 296].

Показательно, что при этом И. А. Бунин еще в молодости прекрасно осознавал характер табуированности «нехороших» слов. Так, в письмах к брату Юлию он не стесняется бранных слов, правда, в отношении своей кузины Софьи Пушешниковой: «Она уже надоела ему, эта б... поганая» (Бунин. 2003. С. 38), «В это время я как-то особенно недоверчиво стал относиться к влюблению «Все, мол, х...» [10, с. 43], «И с чего пришло тебе в голову, что я мог хоть минуту помнить твои вспышки! Х... это все, и мне жалко-жалко тебя, дорогой мой!» [10, с. 158]. Однако он же осуждал свою кузину за менее бранную лексику: «Изо дня в день одна и та же история. Говорят друг при друге (с любовником. – *Г. К.*) „жопа“, „говно“ безо всякого стеснения» [10, с. 32]. Вывод, которого следует придерживаться и современной молодежи: то, что можно сказать между мужчинами, нельзя говорить женщине – это оскорбительно как для женщины, так и для мужчины.

Русский мат помог спастись и поэту М. А. Волошину. При переезде из Одессы в Феодосию на утлом суденышке он был обстрелян береговой охраной (а дело было в тяжкие годы гражданской войны): «Мои матросы, перепуганные слишком частым и неприятным огнем пулеметов, пули которых скакали по палубе, по волнам кругом и дырявили парус, ответили малым загибом Петра Великого. Я мог воочию убедиться, насколько живое слово может быть сильнее машины: пулемет сразу поперхнулся и остановился. Это факт не единичный: сколько я слышал рассказов о том, как людям, которых вели на расстрел, удавалось „отругаться“ от матросов и спасти себе этим жизнь» [13, с. 381].

А. А. Ахматова сама никогда не ругалась, как и не употребляла бранной лексики в своем творчестве, однако, как вспоминала Н. Роскина: «Не шокировали ее и ругательства, и Ардовы, мне кажется, даже находили вкус в том, чтобы в ее присутствии говорить все, что им приходит в голову» [48, с. 98].

То же можно было бы сказать и об О. Э. Мандельштаме, однако вот как описывает его супруга его реакцию на цензурный беспредел: «В „Сухаревке“ по моральным соображениям вычеркнули два слова: „только на сухой срединной земле, к которой привыкли, которую топчут, как мать, которую ни с чем не сравнить, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющий матом эту самую землю“ . „Советский человек, – сказали ему, – свою мать уважает. Вспомните «Мать» Горького...“ Мандельштам вообще не матюгался, но тут сказал нечто неповторимое» [33, с. 198].

Рафинированный лирик М. Кузмин никогда в поэзии не позволял себе «расслабиться». Да и в ранних его дневниковых записях практически нет ничего «такого». Однако в пожилом возрасте он уже не очень-то сдерживался: «Путать опасно. А то всякая мужественность и мужественная культура выйдет хуевиной» [29, с. 123].

Иногда поигрывал матерщинными словами А. П. Платонов. Так, он обыграл слово «могущество» для определения героя своего так и не написанного романа о Стратилате: «Надо, чтоб „ебущество“ Полпашкина „превратилось“ в силу Жовова с другим „знаком“» [42, с. 105].

А. Т. Твардовский, родившись в крестьянской среде, где мат был обычен и не табуирован, все же осторожно относился к этому эмоциональному слою русской национальной лексики и фразеологии. Отец его, Трифон Гордеевич, не одобрял такую лексику. Тем более будущий поэт воспитывал в себе такого мощного внутреннего редактора, который долго не позволял ему выходить за пределы и диалектной и литературной речи. А в годы войны его заинтересовало яркое выражение: «– Командуй, когда голова у тебя твердая, а х. мягкий» [51, с. 172]. А в «Василии Теркине» поэт все-таки поэтично и положительно высказался о мате:

...С тропинки узкой
Теркин – первым – вглубь кустов –
С тем единым словечком русским,
Что – замена стольких слов...

Даже при виде того, что совершили фашисты с его родиной, его внутренний редактор сработал: «И видеть все это таким, каким оно выглядит после немцев – это почти физическая боль. А рассказывать о виденном в оборотах литературного письма кажется кощунством, хоть и не избежать этих оборотов» (Твардовский А. Т. Родина и чужбина. М., 1960. С. 73).

А. Т. Твардовский старался не материться при людях, но, как вспоминал писатель Н. П. Воронин, которого долго обманывал А. Беляев (деятель ЦК КПСС, отвечавший за литературу), когда поэт убедился в нахальном обмане, то: «И тут Твардовский так его понес! Матом! И таким, что я, возросший в рабочих бараках, не слышал, чтобы кто-то из мужиков, даже уголовников, так изъяснялся. <...> И когда он подвез меня на Кропоткинскую, прежде чем мы расстались, Александр Трифонович с усталой горечью выдохнул: „Наступают последние времена“» (Лит. газ. 2010. №30. С. 4).

В молодости матерился и наш известный писатель В. П. Астафьев. С горьким сожалением бывший солдат признался в этом. О семье своей жены он сказал: «Отец ни разу в жизни их никого не ударил, ни разу матом не изругался. Это я уже восполнил пробел. Со мной она все услышала, и отец ее слышал от такого варнака, как я» (Аргументы и факты. 2001. №47. С. 19).

Однажды на родном для него мате «оскоромился» и В. М. Шукшин. Его коллега по ВГИКУ Ю. В. Григорьев вспоминает: «А на маленькой сцене Шукшин поразительно играл Нагульнова и настолько вошел в роль, что в какой-то момент вдруг сочно выматерился. Такого вгиковские стены еще не слышали. Мы все притихли. Но наша профессура промолчала» (Труд. 2002. 25 июля).

Знаменитый поэт-песенник В. Ф. Боков, со словами которого песни становились воистину народными, тоже любил мат. Но старался этого не показывать. Хотя иногда оригинально эвфемистически обыгрывал мат. А. Бобров вспоминал, что когда они плыли по реке Обь, то «Боков глядел на разлив коричневой воды до горизонта и озорно восклицал: „Люблю, Обь, твою муть!“» [5, с. 5].

На вопрос журналиста: «В свое время вы стали одним из первых писателей, кто использовал в своих книжках мат. Зачем? Чтобы выделиться?» Эдуард Лимонов ответил: «Чушь. Героями моих первых книг были люди в стесненных обстоятельствах, они находились на дне жизни. И поэтому изъяснялись не языком профессоров, а так, как весь народ» [54, с. 20].

Известный филолог Ю. М. Лотман писал о мате, исходя из своего военного опыта, следующее: «Замысловатый, отборный мат – одно из важнейших средств, помогающих адаптироваться в сверхсложных условиях. Он имеет бесспорные признаки художественного творчества и вносит в быт игровой элемент, который психологически чрезвычайно облегчает переживание сверхтяжелых обстоятельств» [32, с. 14].

Любил крепкое русское словцо и Наум Мандель (Коржавин), поэтому о нем ходил такой стишок:

Не ругался б Мандель матом,
Мандель был бы дипломатом. [49, с. 354].

Не стеснялся мата Сергей Довлатов. А. Шкляринский вспоминал: «Я помню, как однажды, вычитав в газете об очередной премии какому-то газетному лакею, он мрачно произнес: „Все люди как люди, а ты как х... на блюде“. И потом эту нецензурную поговорку всюду повторял» [62, с. 219].

Интеллигентный писатель Е. Г. Водолазкин запустил в свой роман «Лавр» совершенно недопустимые для эпохи этого произведения выражения, характерные только для современного языка: «Тут же попытался встать, наступил на поврежденную ногу и со стоном свалился на землю.

Нога... Доездили, бля» [11, с. 157].

«Ты кто?

Хуй в пальто, ответил Фома» [11, с. 179].

«Твою дивизию, в сердцах воскликнул юродивый Фома» [11, с. 194].

«Да не парься ты, е-мое. Не можешь отдать ему этот город – не давай» [11, с. 199]. Вряд ли эти вставки современной речи украсили роман.

Однако у всех наших крупных писателей всегда, кроме цензуры, был и свой внутренний редактор – совесть, который не позволял излишеств в лексике, как бы того ни хотелось. Тот же А. П. Чехов в письме упрекал А. М. Горького за, по его мнению, не совсем пристойные слова: «За сим еще одно: Вы по натуре лирик, тембр у Вашей души мягкий. Если бы Вы были композитором, то избегали бы писать марши. Грубить, шуметь, язвить, неистово обличать – это несвойственно Вашему таланту. Отсюда Вы поймете, если я посоветую Вам не пощадить в корректуре сукиных сынов, кобелей и пшибздиков, мелькающих там и сям на страницах „Жизни“» (3 сент. 1899 г.).

Отрицательно относился к мату и Б. Л. Пастернак. А. Вознесенский вспоминает: «Мастер языка, он не любил скабрзностей и бытового мата. Лишь однажды я слышал от него косвенное обозначение термина. Как-то мелочные пуритане нападали на его друга за то, что тот напечатался не в том органе, где бы им хотелось. Пастернак рассказал за столом притчу про

Фета. В подобной же ситуации Фет будто бы ответил: „Если бы Шмидт (кажется так именовался самый низкопробный петербургский тогдашний сапожник) выпускал грязный листок, который назывался бы словом из трех букв, я все равно бы там печатался. Стихи очищают“» [12, с. 424–425].

Модная сейчас Л. Улицкая полагает: «Употребление так называемой ненормативной лексики, по моему мнению, полностью оправдывается, когда в этом есть художественная необходимость. Скажем, у Венедикта Ерофеева именно использование ненормативной лексики и создает уникальный художественный стиль. Его гениальный роман просто не существовал бы, если бы автор поставил своей задачей написать его „стерильным“ языком.

Что же касается моей собственной работы, я не обладаю достаточной мерой артистизма, чтобы заставить работать на себя эту пограничную, опасную, исключительно богатую область языка. Но я хочу оставить за собой право распоряжаться собственной речью. На первой странице моей последней книги „Веселые похороны“ присутствует слово, которое на бумаге выглядит как „pizдец“. Его нарисовал на майке герой – смертельно больной художник, и сделал это с улыбкой... Матерная брань звучит по-разному: то омерзительно и грязно, то – остро, талантливо, смешно. И мы всегда чувствуем эти нюансы» (Новый мир. 1999. №2).

А вот знаменитый актер М. М. Козаков любил украшать свою речь матом. Журналистка О. Шаблинская рассказала, как она брала интервью у Козакова: «Речь Козаков пересыпал матерком, причем делал это с нескрываемым наслаждением. Объяснял, настоящие интеллигенты всегда „так выражались“. И добивал меня скабрёзными цитатами из Пушкина. „Ну, если даже Са-а-м писал такое!“» [58, с. 21].

А Д. С. Песков – пресс-секретарь президента РФ – в ответ на вопрос журналиста «А сам президент хотя бы иногда ругается?» ответил: «Могу лишь сказать, что как любой мужик, он, конечно, может выразить свое негативное отношение к тому или иному человеку или процессу. Причем так, что кровь стынет» (Аргументы и факты. 2019. №3).

Поэтесса, журналистка, а главное – учитель русского языка и литературы – Инна Кабыш, говоря о распространенности мата в современной литературе, заметила: «Мат из средства речевой характеристики героя превратился – во многих случаях – в средство характеристики жизни» (Кабыш. 2014). И вместо вывода, что же нужно делать с матом (да и с сексом) в литературе, она написала: «Если кто-то думает, что я знаю ответы на вопросы, которые задаю, то он ошибается: я не знаю.

Я знаю только, что если детей от всего ограждать, растить под колпаком, из них вырастут человеки в футлярах. А это мы уже проходили» [23, с. 1].

Довольно близкий подход к нецензурной лексике и у известного общественного деятеля, лидера ЛДПР В. Жириновского: «Трудно подобрать слово в русском языке, которое было бы плохое. Все слова в русском языке нормальные, хорошие, и надо постепенно реабилитировать то, что считается нецензурным» (Труд. 2005. 29 апр.).

Очень точно как бы подводят к итогу слова известного кинорежиссера А. Сокурова: «Сквернословие – это та граница, к которой подходить не стоит – за ней начинается насилие. Кроме того, скажем прямо, мат – это мужская речь. И очень обидно, что мы, мужчины, отдали эту часть нашей речи в общенациональное пользование. Обидно, что разрешили пользоваться матом женщинам! Это надо запретить! Я сейчас говорю все это, обращаясь к русским мужчинам. На Кавказе, например, мат из уст женщины я не слышал никогда» (Аргументы и факты. 2014. №27).

Очень категорично высказался в отношении мата актер и режиссер, общественный деятель Н. Н. Губенко: «Матерные слова, загрязняющие русский язык, обрушиваются на нас со страниц книг, газет и журналов, теле- и киноэкранов, театральных подмостков. На литературной ниве не осталось и одной сотки, не унавоженной „эксcrementами“...» (Аргументы и факты. 2020. №34).

Итак, мы приходим к выводу, что вся «нехорошая» лексика – исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков, с творчеством наших творцов слова, поэтому негоже лингвистам отворачиваться от нее. Писателям же можно ею пользоваться, когда без этой «нехорошей» лексики теряется содержательность и образность произведения, а также его языковая идентичность.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210584).

Литература

1. Ангелова-Атанасова М. *Топонимия на горнооряховско*. Велико Търново, **1996**.
2. Анненков Ю. П. *Дневник моих встреч*. М., **1991**. Т. 1.
3. Балкански Т. *Западнародопските власи: Етнос. Етнонимия. Ономастика*. Велико Търново, **1996**.
4. Берберова Н. Н. *Курсив мой*. М., **1999**.
5. Бобров А. Русский Лель // *Литературная газета*. **2014**. №36.
6. Богдановић Н. *И ја теби. Избор из псовачке фразеологије*. Ниш, **1998**.
7. Брандт Р. Кое-что о нескольких словах // *Русский филологический вестник*. **1915**. №3/4.
8. Бунин И. А. Освобождение Толстого // *Собр. соч. в 9-ти тт.* М., **1967**. Т. 9.
9. Бунин И. А. *Окаянные дни. Воспоминания. Статьи*. М., **1990**.
10. Бунин И. А. *Письма 1885–1904 годов*. М., **2003**.
11. Водолазкин Е. Г. *Лавр*. М.: изд-во АСТ, **2019**.
12. Вознесенский А. А. *Собр. соч. в 3 тт.* М., **1983**. Т. 3.
13. Волошин М. А. Дело Н. А. Маркса // *Воспоминания о Максимилиане Волошине*. М., **1990**.
14. Гашек Я. *Похождения бравого солдата Швейка*. М.: Художественная литература, **1967**.
15. Горький А. М. *О литературе*. М., **1953**.
16. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб., **1909**. Т. 4. Ст. **1244**.
17. Жолковский А. *Мемуарные виньетки и другие non-fictions*. СПб., **2000**.
18. Заимов Й. *Български водопис. Географско описание, строеж и произход на имената*. Т. 2: К-Р. Велико Търново: Фабер, **2012**.
19. Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // *Вопросы языкознания*. **2006**. №3.
20. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Л., **1930**. Вып. IX.
21. Иванов В. В. *Собр. соч. в 8 тт.* М., **1978**. Т. 8.
22. Ильина Н. И. *Дороги и судьбы*. М., **1991**.
23. Кабыш И. Мат или шах // *Литературная газета. Словесник*. **2014**. Вып. 3. С. 1.
24. Ковалев Г. Ф. Истоки именика Н. В. Гоголя // *Русская речь*. **2017**. №2.
25. Колесов В. В. *Язык города*. М., **1991**.
26. Кони А. Ф. *Воспоминания о писателях*. М., **1989**.
27. Королев А. Оскорбление сакрального // *Литературная газета*. **2001**. №15.
28. Корягин С. В. Непристойные фамилии у донского казачества // *Летопись историко-родословного общества в Москве*. **1997**. №4–5.
29. Кузмин М. *Дневник 1934 года*. СПб., **1998**.
30. Липкин С. И. *Квадрига*. М., **1997**.
31. Липняцкая Е. *Эти странные поляки*. М., **2001**.
32. Лотман Ю. М. Не-мемуары // *Лотмановский сборник*. М., **1995**. Вып. 1.
33. Мандельштам Н. Я. *Вторая книга*. М., **1999**.

34. Мелихан К. С. *Юмуары*. СПб., 1999.
35. Мигулина Е. Факт наоборот // *Аргументы недели*. 2013. №39.
36. Михайлин В. Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюции статуса // *Новое литературное обозрение*. 2000. №43.
37. Михайлова Д. *Местните имена в Берковско*. София, 1986.
38. Мокиенко В. М. *Словарь русской бранной лексики (матизмы, обценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями)*. Berlin: Dieter Lenz, 1995. XXV+151 S.
39. Несмелов А. Переходя границу // *Поэзия русского зарубежья*. М., 2001.
40. Одоевцева И. В. *На берегах Сены*. М., 1989.
41. Осипов С. Егоров и Кантария были не первыми // *Аргументы и факты*. 2003. №19.
42. Платонов А. П. *Записные книжки. Материалы к биографии*. М., 2000.
43. Подвальная Е. Из проблематики русской обценной лексики // *Язгулямский сборник*. 1996. №1.
44. *Полное собрание русских летописей*. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1962.
45. Пришвин М. М. *Дневники 1928–1929*. М., 2004.
46. Розанов В. В. *О писательстве и писателях*. М., 1995.
47. Розанов В. В. *Уединенное*. М., 2002.
48. Роскина Н. Как будто прощаюсь снова... // *Звезда*. 1989. №6.
49. Сарнов Б. Юмористические записи и выписки // *Вопросы литературы*. 2002. №3.
50. Тарковский А. А. О поэтическом языке // *Собр. соч. в 3 тт.* М., 1991. Т. 2.
51. Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку...». *Дневники. Письма 1941–1945*. М., 2005.
52. Успенский Б. А. *Избранные труды. В 3 тт.* М., 1996. Т. 2. Язык и культура.
53. Цветаева М. И. *Неизданное*. М., 1997.
54. Цепляев В. Эдуард Лимонов: «Да положил я на читателя!» // *Аргументы и факты*. 2004. №20.
55. Чехов А. П. *Полное собр. соч. и писем*. М., 1976. Т. 4. Письма.
56. Чуковская Л. К. *Записки об Анне Ахматовой*. СПб., 1996.
57. Чуковский К. И. *Дневник 1901–1929*. М., 1991.
58. Шаблинская О. Неудобные вопросы // *Аргументы и факты*. 2018. №15.
59. Шаховская З. А. *В поисках Набокова. Отражения*. М., 1991.
60. Шигарева Ю. Мат – слова священные // *Аргументы и факты*. 1999. №38.
61. Шигарева Ю., Изгаршин И. Мат в искусстве: ну и фуй с ним... // *Аргументы и факты*. 2002. №30.
62. Шкляринский А. Сто слепящих фотографий // *О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания: 60-летию Сергея Донатовича Довлатова посвящается* / Сост. Е. Довлатова. Нью-Йорк, 2001.
63. *ЭСЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. М., 1981. Вып. 8.
64. Brukner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow, 1927.
65. Fałowski A. "Ein Rusch Boech..." *Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter -und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert*. Köln, 1994.
66. Fałowski A. "Ein Rusch Boech..." *rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa*. Krakow, 1996.
67. Fenne T. *Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607*. Vol. III. Russian-Low German Glossary. Copenhagen, 1985.
68. Hochel V. *Slovník slovenskeho slangu*. Bratislava, 1993.
69. Majchrzyk M. Мат, język, transformacja – nienormatywna leksyka w twórczości Wiktora Jerofejewa // *Przegląd Rusycystyczny*. 2010. No. 1.
70. *Słownik górnołużycki Abrahama Frencla (1693–1696)* / Opracował St. Stachowski. Wrocław, 1978.
71. Tuftanka U. *Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów*. Warszawa, 1993.
72. Volkel P. *Prawopisny słownik hornjoserbskeje rece*. Budysin, 1981.

Поступила в редакцию 05.06.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.3.4

Russian obscenities, as part of the national heritage

© G. F. Kovalyov

Voronezh State University
1 Universitetskaya Square, 394018 Voronezh, Russia.

Email: kovalev@phil.vsu.ru

The author of the article considers various aspects of the non-trivial existence of the so-called Russian mat in everyday communication: the problems of the origin and original semantics of the oldest words in the Slavic language; the problem of their modern understanding, evaluation and role in the national language. The author believes that all the ancient obscene language in the distant past was common Slavic, sacred and in no case abusive or low. This applies equally to the actual “obscene” expression, and to the vocabulary denoting the generative organs of a person. Further, the problems of the functioning of the swear vocabulary in the works of domestic masters of the word and their attitude to the use of such a layer of the Russian language in works of art are also considered.

Keywords: mother, mat, swearing, sacredness, names of man’s and women’s genitals, abusive language, taboo, euphemism.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210584).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Kovalyov G. F. Russian obscenities, as part of the national heritage // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 175–196.

References

1. Angelova-Atanasova M. *Toponimiya na gornooryakhovsko*. Veliko T'rnovo, **1996**.
2. Annenkov Yu. P. *Dnevnik moikh vstrech [Diary of my meetings]*. Moscow, **1991**. Vol. 1.
3. Balkanski T. *Zapadnorodopskite vlasi: Etnos. Etnonimiya. Onomastika*. Veliko T'rnovo, **1996**.
4. Berberova N. N. *Kursiv moi [Italics supplied]*. Moscow, **1999**.
5. Bobrov A. *Literaturnaya gazeta*. **2014**. No. 36.
6. Bogdanoviĥ N. *I ja tebi. Izbor iz psovachke frazeologije*. Nish, **1998**.
7. Brandt R. *Russkii filologicheskii vestnik*. **1915**. No. 3/4.
8. Bunin I. A. *Sobr. soch. v 9-ti tt*. Moscow, **1967**. Vol. 9.
9. Bunin I. A. *Okayannye dni. Vospominaniya. Stat'i [Cursed days. Memoirs. Articles]*. Moscow, **1990**.
10. Bunin I. A. *Pis'ma 1885–1904 godov [Letters of 1885–1904]*. Moscow, **2003**.
11. Vodolazkin E. G. *Lavr [Laurus]*. Moscow: izd-vo AST, **2019**.
12. Voznesensky A. A. *Sobr. soch. v 3 tt. [Collected works in 3 volumes]*. Moscow, **1983**. Vol. 3.
13. Voloshin M. A. *Vospominaniya o Maksimiliane Voloshine*. Moscow, **1990**.
14. Hašek J. *Pokhozheniya bravogo soldata Shveika [The good soldier Švejk]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, **1967**.
15. Gorky A. M. *O literature [On literature]*. Moscow, **1953**.
16. Dal V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]*. Saint Petersburg, **1909**. Vol. 4. St. **1244**.

17. Zholkovsky A. *Memuarnye vin'etki i drugie non-fictions [Memoir vignettes and other non-fictions]*. Saint Petersburg, **2000**.
18. Zaimov I. *B''lgarski vodopis. Geografsko opisanie, stroezh i proizvod na imenata*. T. 2: K-R. Veliko T''rnovo: Faber, **2012**.
19. Zaliznyak A. A., Yanin V. L. *Voprosy yazykoznaniya*. **2006**. No. 3.
20. Zelenin D. K. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad, **1930**. Vyp. IX.
21. Ivanov V. V. *Sobr. soch. v 8 tt. [Collected works in 8 volumes]*. Moscow, **1978**. Vol. 8.
22. Il'ina N. I. *Dorogi i sud'by [Roads and fates]*. Moscow, **1991**.
23. Kabysh I. *Literaturnaya gazeta. Slovesnik*. **2014**. No. 3. Pp. 1.
24. Kovalev G. F. *Russkaya rech'*. **2017**. No. 2.
25. Kolesov V. V. *Yazyk goroda [Urban language]*. Moscow, **1991**.
26. Koni A. F. *Vospominaniya o pisatelyakh [Memories about writers]*. Moscow, **1989**.
27. Korolev A. *Literaturnaya gazeta*. **2001**. No. 15.
28. Koryagin S. V. *Letopis' istoriko-rodoslovnogo obshchestva v Moskve*. **1997**. No. 4–5.
29. Kuzmin M. *Dnevnik 1934 goda [Diary of 1934]*. Saint Petersburg, **1998**.
30. Lipkin S. I. *Kvadriga [Quadriga]*. Moscow, **1997**.
31. Lipnyatskaya E. *Eti strannye polyaki [These strange Poles]*. Moscow, **2001**.
32. Lotman Yu. M. *Ne-memuary. Lotmanovskii sbornik*. Moscow, **1995**. No. 1.
33. Mandel'shtam N. Ya. *Vtoraya kniga [The second book]*. Moscow, **1999**.
34. Melikhan K. S. *Yumuary [Humoirs]*. Saint Petersburg, **1999**.
35. Migulina E. *Argumenty nedeli*. **2013**. No. 39.
36. Mikhailin V. Yu. *Novoe literaturnoe obozrenie*. **2000**. No. 43.
37. Mikhailova D. *Mestnite imena v Berkovsko*. Sofia, **1986**.
38. Mokienko V. M. *Slovar' russkoi brannoii leksiki (matizmy, obstsenizmy, evfemizmy s istoriko-etimologicheskimi kommentariyami) [Dictionary of Russian abusive vocabulary (matisms, obscenities, euphemisms with historical and etymological comments)]*. Berlin: Dieter Lenz, **1995**. XXV+.
39. Nesmelov A. *Poeziya russkogo zarubezh'ya*. Moscow, **2001**.
40. Odoevtseva I. V. *Na beregakh Seny [On the banks of the Seine]*. Moscow, **1989**.
41. Osipov S. *Argumenty i fakty*. **2003**. No. 19.
42. Platonov A. P. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii [Notebooks. Materials for biography]*. Moscow, **2000**.
43. Podval'naya E. *Yazgulyamskii sbornik*. **1996**. No. 1.
44. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1: Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1: Laurentian codex]*. Moscow, **1962**.
45. Prishvin M. M. *Dnevniki 1928–1929 [Diaries 1928–1929]*. Moscow, **2004**.
46. Rozanov V. V. *O pisatel'stve i pisatelyakh [On writing and writers]*. Moscow, **1995**.
47. Rozanov V. V. *Uedinennoe [Secluded]*. Moscow, **2002**.
48. Roskina N. *Zvezda*. **1989**. No. 6.
49. Sarnov B. *Voprosy literatury*. **2002**. No. 3.
50. Tarkovskii A. A. *Sobr. soch. v 3 tt*. Moscow, **1991**. Vol. 2.
51. Tvardovskii A. T. «Ya v svoyu khodil ataku...». *Dnevniki. Pis'ma 1941–1945 [“I went on my attack...” Diaries. Letters of 1941–1945]*. Moscow, 2005.
52. Uspenskii B. A. *Izbrannye trudy. V 3 tt. [Selected works in 3 volumes]* Moscow, **1996**. Vol. 2. Yazyk i kul'tura.
53. Tsvetaeva M. I. *Neizdannoe [Unpublished]*. Moscow, **1997**.
54. Tseplyaev V. *Argumenty i fakty*. **2004**. No. 20.
55. Chekhov A. P. *Polnoe sobr. soch. i pisem [Complete works and letters]*. Moscow, **1976**. Vol. 4. Pis'ma.
56. Chukovskaya L. K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi [Notes about Anna Akhmatova]*. Saint Petersburg, **1996**.
57. Chukovskii K. I. *Dnevnik 1901–1929 [Diary 1901–1929]*. Moscow, **1991**.
58. Shablinskaya O. *Argumenty i fakty*. **2018**. No. 15.
59. Shakhovskaya Z. A. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniya [In search of Nabokov. Reflections]*. Moscow, **1991**.
60. Shigareva Yu. *Argumenty i fakty*. **1999**. No. 38.
61. Shigareva Yu., Izgarshin I. *Argumenty i fakty*. **2002**. No. 30.
62. Shklyarinskii A. *O Dovlatove. Stat'i, retsenzii, vospominaniya: 60-tiletiyu Sergeya Donatovicha Dovlatova posvyashchaet-sya*. Comp. E. Dovlatova. N'yu-Iork, **2001**.

63. *ESSYa – Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavjanskii leksicheskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]*. Moscow, **1981**. No. 8.
64. Brukner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow, **1927**.
65. Fałowski A. *“Ein Rusch Boech...” Ein Russisch-Deutsches anonymes Worter -und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert*. Koln, **1994**.
66. Fałowski A. *“Ein Rusch Boech...” rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmowki z XVI wieku. Analiza językowa*. Krakow, **1996**.
67. Fenne T. *Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607*. Vol. 3. Russian-Low German Glossary. Copenhagen, **1985**.
68. Hochel B. *Slovník slovenskeho slangu*. Bratislava, **1993**.
69. Majchrzyk M. *Przegląd Rusycystyczny*. **2010**. No. 1.
70. *Słownik górnołużycki Abrahama Frencla (1693–1696)*. Opracował St. Stachowski. Wrocław, **1978**.
71. Tuftanka U. *Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów*. Warszawa, **1993**.
72. Volkel P. *Prawopisny słownik hornjoserbskeje rece*. Budysin, **1981**.

Received 05.06.2021.